

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

КОЛЛЕГИ

ГЛАВА I

Кто они такие?

В анкетах они писали: год рождения — 1932-й, происхождение — из служащих; партийность — член ВЛКСМ с 1947 года; участие в войнах — не участвовал; судимость — нет; имеет ли родственников за границей — нет; и еще несколько «нет» до графы «семейное положение», в которой все они писали — холост. Автобиографии их умещались на половине странички, а рассказывали они о себе так.

Алексей Максимов. Как говорят, когда-то мы все были ребятами. Мама у меня учительница. Папы нет. Где жил? Мы часто переезжали с места на место. Родился-то в Новгороде. В школе учился хорошо. Любимый предмет? Чистописание. В школе играл в футбол, а в институте — в волейбол. Я и сейчас играю в волейбол и всегда буду в него играть. Почему в медицинский пошел? Вам это интересно? Ах, интересно! Ну, по недоразумению. Медицина? Я жить без нее не могу. А какого черта вы меня всё спрашиваете, словно начальник отдела кадров. Я грубиян? Идите вы знаете куда!

Владислав Карпов. Мальчик, если вы не видели Черного моря, вы ничего не видели. Мой папа — рыбак. Любите копченую скумбрию? Знаете, есть такая песенка:

Поцелуй, поцелуй, Перепетуя,
Я тебя так безумно люблю,
Если любишь копченую скумбрию,
Я тебе ее достану хоть вагон.

Да, конечно, я спортсмен. Разве не видно? Всеми видами спорта. Больше всего люблю бильярд. А вы? Сыграем как-нибудь? Вы сами

откуда? Любите танцевать? Вы мне нравитесь, чтоб я так жил. Приезжайте к нам — не пожалеете. Черное море — это что? Значит, до скорого.

Александр Зеленин. Да, я коренной ленинградец. Пройдите сюда, в столовую. Видите на стене эти старинные дагеротипы? Это мои предки. Вот магистр философии Петербургского университета, а этот известный путешественник, а этот в Шлиссельбурге сидел по делу о покушении. Ничего, что я ими немножко горжусь? Потом у нас пошли все врачи. И папа мой врач, и мама тоже, и я, как известно, врач без пяти минут. Да, я не только люблю медицину, но считаю профессию врача самой нужной на свете. А какой она дает кругозор! Вы знаете, я чувствую, что с каждым годом начинаю лучше понимать людей и с физиологической и с психологической стороны. Я очень доволен своей профессией. Жалко только, что скоро придется уезжать из Ленинграда. Не могу представить, что больше не буду бродить по Большому проспекту и по набережной, любоваться закатом, когда, знаете, все окна в Эрмитаже вспыхивают малиновым светом... Но что делать? Ведь это же, как говорится, наш долг. Ну что ты смеешься, Алексей? Всегда он, знаете ли, вот так.

От автора. Алексей Максимов — мрачный и резкий. Вечно он что-то такое изображает. Владислав Карпов — из тех, кого характеризуют двумя словами: «Свой парень». Иногда добавляют: «Свой в доску». Любимец девочек, гитарист. Александр Зеленин — немного смешной, порывистый, очень вежливый, очень прямой, очень приятный человек.

Их дружба началась на первом курсе. Иногда удивляются дружбе совершенно разных людей, но по-настоящему дружить могут только разные люди. Между людьми сходных характеров и темпераментов неизбежны резкие столкновения и неизбежен разрыв. У этой тройцы вдумчивость Зеленина и его пылкая искренность как бы уравновешивали довольно наигранный цинизм Максимова и легковесность Владьки Карпова.

Вот они какие. И сейчас, весной 1956 года, они идут втроем против ветра и думают все об одном.

Их мысли о распределении

— Откуда это, Сашка, в тебе такая идейность? — сердито спросил Алексей Максимов. — Тоже мне загнул — экзамен наших душ!

— Так оно и есть! — воскликнул Зеленин.

— Черта с два! Распределение — это принудительный акт. И каждый культурный человек, естественно, рассчитывает, как бы увильнуть от жизни в глуши и не превратиться в животное.

— Чушь! Геологи годами бродят в тайге и не превращаются в животных.

— Геологи! Геологам лафа. Они уходят партиями, все молодежь, весело. А нас что ждет? Думаешь, я боюсь отсутствия электричества и теплого клозета? Ерунда все это! Я готов... А вот представь себе участковую больницу. Деревенька, степь или лес, ветер свищет, и ты один, совершенно один. Кончил работу, поел, поспал, поспал из угла в угол — и спать. Проходят годы, ты толстеешь, глупеешь, начинаешь принимать приношения благодарных пациентов, мысли твои заняты курочками, свиношками, и тебе уже больше ничего не надо, и ты уже со снисходительной улыбкой вспоминаешь об этом разговоре.

— Брр! — передернулся Владька Карпов. — Ну тебя к бесу, Макс! Страшно.

— И ты, сын рыбака, боишься деревни? — спросил Зеленин.

— Страшной войны, — засмеялся Карпов. — Но что делать — таков наш скорбный удел. Хочешь не хочешь, а надо идти, как поется, собирать свой тощий чемодан.

— А чего ты, собственно, хочешь? — резко спросил Максимов.

— Я? Мальчишки, я хочу всегда видеть наших девочек и ваши опостылевшие физиономии, по-прежнему попирать камни этого исторического города, и ходить на эстрадные концерты и в цирк, и сам хочу выступать в цирке. «Соло-клоун и музыкальный эксцентрик Владислав Карпов...» Между прочим, не отказался бы от места ординатора в клинике Круглова.

— А ты чего хочешь, Алексей? — спросил Зеленин.

— Я хочу жить взволнованно! — с вызовом ответил Максимов. — Все равно где, но так, чтобы все выжимать из своей молодости. А будущее сулит сплошную серость. Судьба сельского лекаря. Надо быть честным. Нас теперь научили смотреть правде в глаза. Пускай Тарханов и иже с ними поют нам о высоком призвании, о патриотическом долге, пускай Чивилихин кричит, что трудности не страшат нас, молодых романтиков. Все знают, что он-то обеспечил себе местечко в клинической ординатуре. Какая нас ждет романтика? Вот если бы мне сказали: лезь в эту ракету, и тобой выстрелят в космос, и ты наверняка рассыплешься в прах во имя науки, — я бы только «ура» закричал. А когда мне толкуют, что мое призвание и мой долг — превратиться в Ионыча, тут уж нет, пожалуйста, не надо красивых слов! Приму как неизбежность!

— А о больных, которые тебя ждут, ты думаешь? — спросил Зеленин.

— О больных? — опешил Максимов.

Владька вставил:

— Помните, как Гуцин на обходе говорил: «Нда-с, батеньки, не смотря на все наши усилия, больные поправляются».

— А о других ты ни о ком не думаешь, Алексей? — спросил Зеленин.

— А ты только о других и думаешь?! — крикнул Максимов. — Эх, Алешка, Алешка, трудно тебе будет!

— Не волнуйся за меня, рыцарь, умоляю тебя, не волнуйся!

— Пошли в кино, хлопцы, — предложил Карпов.

Распределение

Этот день помнят всю жизнь. Это день массовых прогулов, побегов с лекций, валерьяновых капель, хохота, слез... Распределяются в первый день десятки, а болевщиков сотни. Родители, жены, невесты, знакомые и просто любопытствующие с младших курсов.

Максимов, Карпов и Зеленин сидят на диване в коридоре второго этажа. Максимов и Карпов ждут своей очереди, а Зеленин ждет их. Сам он распределяется завтра. За стеклянной дверью патофизиологической лаборатории видны спокойные фигуры в белых колпаках и халатах. Людям за дверью этот день не кажется необычным. Для них это просто четверг, 29 марта. Впрочем, не для всех.

— Владька, серьезно, что делать? — с глухой тревогой спрашивает Максимов.

Карпов сегодня мрачен.

— Я не подпишу! — выпаливает он.

— Ты что, того? — Максимов крутит пальцем у виска. — Диплома не выдадут.

— Пойми, Макс, как я уеду куда-то к чертям, когда она останется здесь!

— Она? — Максимов изумленно глядит на друга. — Неужели ты даже сейчас... — Он отворачивается, вздрагивает и шепчет: — Легка на помине.

По коридору, звонко отстукивая каблучками, идет высокая девушка. Улыбается, сияет. Идет немного вызывающе — может быть, оттого, что старается не потерять самообладания под взглядами десятков глаз. Открывает дверь лаборатории — и вдруг, увидев друзей, останавливается.

— Не обращай внимания, — быстро говорит Максимов. Вытаскивает газету, углубляется в чтение.

Девушка медленно, точно ее подтягивают на канате, подходит к дивану.

— Привет, мальчишки, — говорит она с сердечностью. Посторонний не уловил бы в ее голосе ни малейшего оттенка фальши.

— Наше вашим, — отвечает Карпов.

— Хелло, — бурчит Максимов.

— Добрый день, Верочка! — приветствует Зеленин.

Вера смотрит на высокомерного Владьку, на независимого Алексея (Зеленина она почти не замечает) с ласковым пренебрежением. Но что все-таки тянет ее к ним? Прежняя дружба или то старое, тайное, от чего, оказывается, нет никаких лекарств? Ах, все это отголоски детства! Она смотрит по сторонам, блуждающие по коридору студенты поглядывают с любопытством. Курс отлично помнит, как она неожиданно дала отставку Владьке Карпову и вышла замуж за доцента кафедры патофизиологии Веселина. Это была сенсация. Вера улыбается:

— Вам неинтересно, как я распределилась?..

Максимов насмешливо шуритя:

— А мы знаем. Действие развивалось примерно так: она вошла, грациозная и свежая, как дуновение... м-м-м... словом, как некое дуновение. «Это наша лучшая студентка Вера Веселина», — сказал декан. «Веселина? — удивился Тарханов. — А не жена ли она нашего уважаемого?.. Ах так! Чудесно! Думаю, что все ясно с Веселиной. Путь добрый вам в науку, толкайте ее, голубушку, в бок вместе с уважаемым...»

Вере больно. Все действительно проходило примерно так. Она не знает, что делать — вспылить, или обратить все в шутку, или заплакать. Положение спасает тот, кто выручал ее всегда, — муж. Он появляется из лаборатории и уводит Веру.

Петр Столбов, здоровенный парнище, игриво кричит:

— Вла-адька! Любимую «любить увели», а?

Подходят в обнимку Эдик Амбарцумян и любимец курса поэт Игорь Пироговский.

— Ребята, послушайте, — говорит Пироговский. — Решили мы с Эдькой соседями стать. Я — в Оймякон, а он — в Оротукан. Шашлычком из медвежатины обещал угостить. Привезу, думаю, оттуда чемодан стихов. И вот на тебе — распределяют меня в аспирантуру на терапию. Вот тебе и стихи, вот тебе и медвежатиная!.. Человек предполагает, а комиссия распределяет.

— Я, пожалуй, тоже в Якутию попрошусь, — говорит Максимов, — там хоть льготы и чумы разные, аэросани...

— Аэросани, спиритус вини, — подхватывает Карпов. — Правильно, Макс, уедем к чертям отсюда.

К дивану подходит пожилой человек в потертом драпвелюровом пальто и велюровой шляпе.

— Ну, орлы, а вы куда собираетесь?

— В Рио-де-Жанейро, — острит Карпов.

Незнакомец спокойно говорит:

— Что ж тут смешного? Можно и в Рио-де-Жанейро. Мне нужны судовые врачи. Есть желающие? Разяснить? Я начальник медуправления Балтийского морского пароходства. Набираем врачей на суда. Условиями будете довольны. В рейсах двойной оклад плюс валюта. Стол бесплатный. Для ознакомления поработаете несколько месяцев в порту, а потом в путь.

— Куда?! — восклицает Максимов.

— Рейсы самые разные — Индия, Аргентина, есть и поближе — Лондон, Антверпен, Гавр. Ну?

— Согласен! — одновременно выпаливают Максимов и Карпов. Остальные задумываются.

— Полная деквалификация, — говорит Зеленин, — это же полная деквалификация, ребята!

— Ошибаетесь, — обидчиво возражает человек. — На судне надо быть знающим и решительным врачом. Возможны всякие случайности. Недавно один наш врач оперировал ущемленную грыжу в штормовых условиях, в Атлантике. Представляете? Можно и научной работой заниматься. Не удивляйтесь. Чем, например, не тема для диссертации — физиология труда моряков в условиях резкой смены климатических зон? Дело непочатое. Возьметесь за него с огоньком — обещаю всестороннюю поддержку.

— Квартиру даете? — спрашивает Петр Столбов.

— На первых порах общежитие. Прописка постоянная в Ленинграде. Но в перспективе и квартира...

— Ясно. Я согласен.

Незнакомец открывает блокнот.

— Ваши фамилии, орлы? Итак, Максимов, Карпов, Столбов и... Нужен еще один.

— Зеленина запишите! — кричит Максимов и показывает кулак молчащему Сашке.

Человек уходит. Студенты молчат. Зеленин молчит и дымит. Столбов молчит, прикидывает. Максимов и Карпов молчат и остолбенело смотрят перед собой. Всё! Где она, судьба Ионыча? Где сытое

прозябание в деревенской глуши? Человек в драпвелюровом пальто, словно волшебник в детском спектакле, отдернул шторку, за которой открылась сверкающая водная гладь. Проплыл мираж — пальмы, небоскребы, купола, пирамиды. Вы мечтали о жизни необычайной, насыщенной, интересной? Вы думали, мечты не осуществляются? Напрасно. Получайте входные билеты и бегите в будущее, увлекательное и легкое, как кинофильм. Индия! Аргентина! Двойной оклад! Диссертация! Штормовые условия!

Вдумчивый Сема Фишер с сомнением качает головой. Он не представляет себе жизни вне больничных стен, без утренних обходов и ночных дежурств, без мучительных раздумий над историей болезни. Игорь Пироговский завидует. Амбарцумян не знает, завидовать или не стоит. «Светский человек» Генька Бондарь иронически улыбается. Костя Горькушин возмущается: дурни, полезли в экзотику. Несерьезный народ. Владька Карпов и Леха Максимов — чудилы и стилиги, Столбов только о бизнесе думает, а Сашка-то Зеленин хорош — молчит!

Наконец Карпов произносит программную фразу:

— Мальчишки, должен же кто-то бороздить мировой океан!..

Ветренный вечер

Натиск весны в этом году был сокрушительным. С середины марта все потекло. Пошла работа для треста очистки. С утра до вечера улицы скоблили и подметали разные самодвижущиеся механизмы. А дворники дедовским способом ухали снег с крыш, бомбардировали тротуары. Веселая бомбежка в Ленинграде! Вечером солнце, клонясь к частоколу зданий Васильевского острова, пробивало лучами вереницу троллейбусов и автомашин на Большом проспекте Петроградской. Потом небо над закатом начинало зеленеть, напоминая о лете, о пионерском лагере, о мечтах про далекие страны и странствия. В мокрых скверах появлялись парочки и шумные группы с гитарами. Начиналась весенняя ночь с треньканьем струн, с тихими возгласами, с шорохом, с хохотом, с поцелуями.

Вечером после распределения Максимов и Зеленин шли по Кировскому проспекту к Неве. Карпов исчез: видимо, побежал оповещать о радостном событии знакомых девочек.

Вот она, Нева! Над Ростральными колоннами, над Военно-морским музеем стояла золотая, предзакатная пыль. По Дворцовой набережной, как по желобу, катились сверкающие шарики автомобилей. Приходило привычное настроение. Они любили молчаливые прогулки по Ленинграду. Кто-то сказал, что дружба — это умение

молчать вдвоем. Слова были неуместны в такие минуты, когда город раскрывался перед ними, когда наступал еле уловимый миг, сближавший их с давно умершими строителями и мечтателями. Они пересекли Неву и пошли по набережной. Зеленин задумчиво засвистел. Алексей взглянул на его худое лицо под широкополой шляпой и разозлился. Молчит Сашка, насвистывает. Это зеленинское свойство всегда раздражало Алексея. Вдруг Зеленин начинает отчужденно улыбаться и насвистывать что-то свое, какой-то идиотский мотивчик. Мысль его в эти минуты блуждает по неведомым для Максимова путям.

— Все-таки это самый лучший вариант?! — громко сказал Максимов.

— Что? — вздрогнул Зеленин.

— Самый лучший вариант распределения. И для тебя тоже. Я же вижу, что тебе до смерти не хочется покидать Питер. А так между рейсами будешь бывать здесь. Не забудь завтра напомнить о себе начальнику.

— Да-да, — отозвался Зеленин, — непременно, обязательно, бесповоротно.

«Вот тебе и экзамен наших душ», — удовлетворенно подумал Максимов.

— Постоим?

— Давай.

Они оперлись на парапет и стали смотреть на реку, во многих местах которой возникали сейчас багровые сияния. Ветер с Балтики пахал воду. Спустя некоторое время Максимов стал оборачиваться на проходящих девушек.

— Черт побери, сколько хорошеньких!

— Да-да, — весело воскликнул Зеленин, — хочется танцевать со всеми!

— Это нетрудно сделать. Хлопнем по бутылочке «777», и тебе покажется, что ты танцуешь с женщинами всего мира. Гарантирую полный фестиваль! Так пойдем, выпьем?

— За океан, за паруса, наполненные ветром? — спросил Зеленин.

— За котлы и турбины, — усмехнулся Максимов.

— Нет, именно за паруса. Знаешь, когда я думаю о море, я слышу увертюру к «Детям капитана Гранта». Какая гениальная музыка!

— Довольно, хватит! — оборвал его Максимов. — Пошли.

Они повернулись и увидели, что на них смотрят двое: кругленький, толстенький инвалид с костылем в правой руке и высокий обтрепанный мужчина. Оба основательно навеселе.

— Подожди, Миша, — сказал инвалид и обратился к ребятам: — Молодые люди, разрешите нарушить ваше уединение?

— Пожалуйста. Что вам угодно? — сказал Зеленин.

Инвалид скользнул нетвердым взглядом, и на его лице появилась добрая пьяная улыбка.

— Мне угодно задать вам ряд вопросов. Вы на вид культурные ребята — по одежде и вообще. Студенты? А я человек с незаконченным высшим образованием. Война помешала закончить. Егоров моя фамилия. Сергей Егоров. — Зажав костыль под мышкой, он протянул Максимову руку и воскликнул: — Чем вы живете? Вот вы, молодежь? Куда клонится индекс, точнее, индифферент ваших посягательств? Мы в вашем возрасте знали, что делать, мы насмерть стояли.

— А сейчас больше по этому делу? — Алексей щелкнул себя по горлу.

Инвалид вскинул голову и неожиданно ясным взглядом впился ему в глаза.

— Мы, фронтовики, и сейчас знаем, что делать, а вы, видно, только по Невскому можете шмалять, и ничего больше.

— Это мы-то?

— Ну да, вот такие, как вы, типчики!

— Отваливайте, Егоров, гуляйте. Мы вас не знаем.

Максимова разобрала злость. Он взял инвалида за плечи и стал осторожно поворачивать.

— Руки прочь! — раздался грозный окрик высокого мужчины.

У него было костлявое лицо, скошенное кислой гримасой, словно во рту он держал ломтик лимона. Он обнял Егорова и зашептал:

— Сережа, с кем ты связался, это же мразь, пижонство! А еще оскорбляют героя войны. Вот, друзья, полюбуйте, — обратился он к остановившимся прохожим. — Два ничтожных пижона оскорбляют инвалида войны...

— Мы не пижоны! — воскликнул Зеленин. — И мы не оскорбляли его.

— ...Инвалида войны, который за них кровь проливал, отдал свою правую ногу. При мне ему миной оторвало ногу в сорок первом под Ростовом. Помнишь, Серега, друг ты мой тяжкий, помнишь окопчик тот? Ты с ПТР лежал, а я с автоматами шагах в десяти. Тут как раз и ахнуло. Потом танки пошли.

— Танков я уже не помню, — сказал Егоров.

Вокруг молча стояли люди. Максимов подмигнул Зеленину и делано рассмеялся:

— Бойцы вспоминают минувшие дни, а ногу, наверное, отрезало трамваем. Заснул в пьяном виде на рельсах...

Он осекся. Высокий молча смотрел на него. Он словно проглотил наконец свой ломтик лимона — лицо пересекли большие спокойные морщины, и только в глазах Алексей увидел презрение. Жгучее незабываемое презрение. Алексей выдвинул плечо вперед. Неожиданно сзади кто-то взял его под локоть: полковник авиации.

— Вы, ребята, не глумитесь над этим. Бойцам не грех вспомнить минувшие дни. И ты, друг, зря так: не знаешь людей, а называешь пижонами.

— Мы не пижоны, мы врачи. — Зеленин попытался сказать это с достоинством, но голос его дрогнул.

— Что ты оправдываешься? — резко бросил Максимов. — Пойдем.

Они ходили по набережной до темноты, дошли до моста лейтенанта Шмидта и вернулись обратно. Сильный ветер устроил на воде пляску световых пятен. Пятна плясали каждое что-то свое, прыгали вдоль берега, словно боялись рвануться в сплошную мглу, к темному массиву Петропавловки. Максимов и Зеленин подняли воротники.

— В этой истории, конечно, виноват я, — сказал Максимов. — Зря я подковырнул инвалида. Алкоголики на такие шутки реагируют остро.

— Почему ты решил, что они алкоголики? Может быть, просто отмечали какое-нибудь событие.

— Нормальные люди не лезут в душу к незнакомым.

— А помнишь у Уолта Уитмена? «Если в толпе ты увидишь человека и тебе захочется остановиться и поговорить с ним, почему бы тебе не остановиться и не поговорить с ним?» Знаешь, я очень ярко представил себе, как они лежали в этом окопчике под Ростовом. Им тогда было столько же лет, сколько нам сейчас, им хотелось жить, не хотелось терять конечности, а они лежали и стреляли — и не помышляли о бегстве. Не думаю я, что эта стойкость шла у них только от храбрости или подчинения дисциплине. Должно быть, они чувствовали свой долг перед всеми поколениями русских людей и свою ответственность за грядущие поколения. А наше поколение, как ты думаешь, способно на подвиг, на жертвы?

— Жертвенность? Вздор! Дикое слово! Что мы, язычники?

— Ну не жертвенность, так долг. Это тебе понятно?

— Обязанность?

— Нет, братец, именно долг, наш гражданский долг. Чувство своего окопчика.

У Максимова погасла сигарета. Никак не мог раскурить ее на ветру. Возился со спичками и говорил сквозь зубы:

— Ух как мне это надоело! Вся эта трепология, все эти высокие словеса. Их произносит великое множество идеалистов вроде тебя, но и тысячи мерзавцев тоже. Наверное, и Берия пользовался ими. Сейчас, когда нам многое стало известно, они стали мишурой. Давай обойдемся без трепотни. Я люблю свою страну, свой строй и, не задумываясь, отдам за это руку, ногу, жизнь, но я в ответе только перед своей совестью, а не перед какими-то словесными фетишами. Они только мешают видеть реальную жизнь. Понятно?

Зеленин с силой ударил кулаком по граниту и вроде не почувствовал боли.

— Ты не прав, Алешка! Мы в ответе не только перед своей совестью, но и перед всеми людьми, перед теми с Сенатской площади, и перед теми с Марсова поля, и перед современниками, и перед будущими особенно. А высокие слова? Нам открыли глаза на то, что мешало идти вперед, — так надо радоваться этому, а не нудить, как ты. Теперь мы смотрим ясно на вещи и никому не позволим спекулировать тем, что для нас свято.

Максимов наконец сделал глубокую затяжку и сказал непонятно:

— Да, рыцарь, ты мудр!

* * *

...Двое стоят, подняв воротники, на ветру. Им пока не много лет, и временами они чувствуют себя совсем мальчишками, но временами в хаосе весеннего разлива они оглядываются назад и смотрят по сторонам и вперед, смотрят вперед, выискивая тропу.

ГЛАВА II

Последние каникулы

— Дикари!

— Голуба, врежь длинного!

— Сделай из него клоуна! Да сделай же клоуна из него! Эх, мазила!

Крики болельщиков не помогли. Команда «дикарей» — Лешка Максимов, Саша Зеленин и другие — с позорным счетом обыгрывала волейболистов дома отдыха «Обувщик». Максимов откинул мяч Зеленину. Тот взмыл в воздух и сильно ударил в первую линию. Удар закончил игру. Конечно, у Сашки упали очки. Они падали у него почти после каждого прыжка, но сейчас ему казалось, что так

и должно быть после столь блестящего удара — и лица расплывчатые, и кроны лип слегка набекрень.

Максимов хлопнул его по спине:

— Молодец, Сашка!

— Где, где, где? — забормотал Зеленин.

— Эта блондиночка?

— Да. Где же она?

— Собери свои диоптрии и увидишь.

Стройная девушка в узких серых брючках стояла под елкой. Поймав растерянный Сашкин взгляд, она расхохоталась и пошла прочь, ведя сбоку гоночный велосипед. Максимов печально пропел:

— Среди шумного матча случайно...

— Верно! — воскликнул Саша. — Ты угадал мое настроение. Это она, она!..

— Но ты, к сожалению, не во фраке и грязноват, — проворчал Максимов. — Идем купаться.

Пляж был пуст. Даже самые одержимые ныряльщики разошлись по дачам. Друзья прошли на самый край мола и постояли там, не в силах оторвать взгляда от заката. Солнце, как купол сказочного дворца, возвышалось над сверкающим горизонтом. Через все море, словно след от удара бичом, тянулась красная дрожащая полоса.

— Вредное зрелище — закат, — сказал Максимов.

— А по-моему, прекрасное.

— А по-моему, вредное. Утрачивается уверенность — вот в чем штука. Кажется, что за горизонтом раскинулась прекрасная неведомая страна, где говорят на высоких тонах и все взволнованны и очень счастливы. Но на самом-то деле ее нет.

— Поплыли, проверим?

Они разом бросились в воду. Плыли кролем по солнечной полосе. Брызги, слетавшие с рук, казались каплями вишневого сиропа. Максимов оглянулся и обвел глазами хвойную дугу Карельского перешейка, окаймленную снизу желтой полоской пляжей. Это был Теплый берег, где в этот час тысячи людей готовили ужин.

— Ого-го! О, радость бытия! — заголосил Алексей.

Рядом вынырнул Сашка с вытаращенными глазами и открытым ртом.

— Рубины из сказочной страны! — крикнул он, ударя ладонью по воде.

Они вернулись к молу и уселись на железной лестнице.

— Через два дня выходить на работу, а Владька еще не вернулся, — сказал Алексей.

Саша вздохнул:

— А мне послезавтра двигаться в свою тьмутаракань. Последние каникулы, прощайте. Грустно!..

— Да не езди ты туда.

— Как это так?

— А так. Папа Зеленин надевает черную тройку, идет в горздравотдел, идет туда, звонит сюда — и дело в шляпе. Неделя угрызений совести в высокоидейном семействе, а потом жизнь продолжается. Вот и все.

— Не пори чепухи, Алешка.

— Тебе очень хочется ехать?

— Нет! — сердито отрезал Зеленин.

— Еще бы! Ведь ты горожанин до мозга костей, потомственный интеллигентик. Вот Косте Горькушину везде будет хорошо...

— Костя мечтал о своей Волге, а уехал в Якутию.

— Потому что в Якутии двойные оклады и надбавка.

— Нет, не поэтому, — твердо сказал Зеленин.

Максимов повернулся к другу. Тот сидел на железной ступеньке, по пояс высываясь из воды, белесый, тощий и вдохновенный.

— Мальчик, вернись на землю. Да-да, на земле существуют оклады, простые и двойные, и, кроме того, прописка. Уезжающим в Якутию хоть прописка бронируется. Ты говоришь, что место судебного врача перехватили, но Якутия-то осталась!

— Прописка — не приписка. Почему я должен дрожать над ней? Это меня унижает.

— Ну хорошо. Ты же знаешь, что я не только это имел в виду. Ты же будешь в медвежьей дыре, в глухомани, хотя и недалеко от Ленинграда. Якутия все-таки экзотика, просторы...

— Я тебе правду скажу. Никто у меня места не перехватывал. Просто на распределении я услышал, что в этом поселке два года не было врача, и попросил туда назначение.

— Bravo! — воскликнул Максимов. — Твое имя запишут золотом в анналах...

— Сутки езды от Ленинграда, и нет врача — позор! Поехать туда — это мой гражданский долг.

Максимов не понимал, зачем это он затеял такой разговор напоследок, но что-то его подмывало перечить Сашке.

— Иди к черту! — сказал он. — Противно слушать! Тоже мне ортодокс нашелся!

— Не глумись, Алешка. Помнишь, мы с тобой говорили о цене высоких слов? Я много думал об этом и...

— Я тоже думал и понял, что все блеф. Есть жизнь, сложенная из полированных словесных булыжников, и есть настоящая, где герои

скандалят на улицах, а романтически настроенные девицы ложатся в постели к преуспевающим джентльменам. А сколько вокруг жуликов и пролаз! Они будут хихикать за твоей спиной и делать свои дела. Мое кредо — быть честным, но и не давать себя облапошить, не попадаться на удочку идеализма.

— А ведь когда-то, Алешка, ты мечтал о настоящей жизни, о борьбе!

— Это и есть борьба, борьба за свое место под солнцем.

— А о других ты не думаешь?

— Опять ты за свое? Опять о предках и потомках?

— Да, о них.

— А что я, Алексей Максимов, могу для них сделать?

— Продолжать дело предков во имя потомков. Мы все — звенья одной цепи.

— А самому сейчас не жить? Я не знаю вообще, что будет после моей смерти. Может быть, ни черта? Может, этот мир только мой сон?

— Дурак! Позор! — отчаянно закричал Зеленин. — Твой солипсизм гроша ломаного не стоит.

В этот момент им показалось, что в море, в метре от них врезался метеорит. Обрушился столб воды. Когда разошлись круги, в глубине они увидели извивающееся тело.

— Морду надо бить за такие штучки! — сказал Максимов.

Показалась красная шапочка, лицо, бронзовые плечи.

— Владька! — ахнули оба.

Владька подплыл и вылез на мол. Он был красив, мулатоподобный южанин Карпов. Мускулы его играли под глянцевитой кожей, как рыбы. От ослепительной улыбки веяло плакатной свежестью.

— Спорт и джем полезны всем! — крикнул Максимов.

— Ф-фу, коллеги, вы все такие же, — шумно дыша, сказал Владька.

— Как отдохнул?

— Железно. А вы?

— Неплохо.

— Сашка что-то бледный.

— Забыл? Сашка у нас всегда бледный. Тревожная душа, высокие порывы! А тут еще любовь поразила его накануне свершения гражданского подвига.

— Любовь?! — воскликнул Карпов. — Эх, братцы, что за встреча была у меня в Одессе с одной актрисой!

Максимов охнул и умоляюще воздел руки. Нельзя же сразу начинать все сначала! Эти рассказы о Владькиных «встречах» сидят у Алексея вот где! Карпов сказал «ша» и попросил Зеленина рассказать о его «встрече». Но Саша, ворча, искал очки в куче одежды. Максимов мечтательно повел рукой:

— Встреча была мимолетна, как дуновение... мм... вечно у меня осечка с этими дуновениями.

— Как дуновение летнего ветерка, — буркнул Зеленин.

— Вот-вот, очень свежее сравнение. Она приехала на гоночном велосипеде посмотреть нашу богатырскую схватку с обувщиками. А потом уехала. Не горюй, рыцарь, сегодня мы увидим ее на танцах.

— Ее на танцах? Лопух!

— Пари?

— Давай разниму! — воскликнул Владька.

В сумерках они шагают по шоссе. Как всегда, в ногу. Над курортным районом динамики разносят ухарский голос и торопливое бормотание гитары. В то лето по всему побережью победоносно, как эпидемия, прошел «Мишка, где твоя улыбка?».

Максимов орет:

— Я сойду с ума! Автора бы мне, автора бы!

— Шире шаг! — командует Карпов. — Шумно в строю!

«Все в порядке, — думает Максимов. — Мы шутим. Мы вместе идем на танцы. Нам девятнадцать лет. Эге, уже не то: каждому по двадцать четыре. И в последний раз так, вместе...»

По сторонам, где редет лес, мелькают огни дач. Трое идут, как всегда, как и раньше, оставляя за спиной картинку постороннего тихого быта. Какая-то решимость сквозит в их движениях. Откуда она? Да нет, просто они идут на танцульки, просто приподнятое настроение, просто каждому всего двадцать четыре года.

Четыре лампы освещали центр танцплощадки и делали ее похожей на боксерский ринг. Ребята остановились в углу, у входа. Неожиданно сзади близко послышалось урчание мотора. Вплотную к площадке подъехала «победа». Из нее вылезли Генька Бондарь и та самая блондинка, «мимолетное виденье». Поднялись на танцплощадку.

— Батюшки, — ахнул Максимов, — вот тебе и дуновение!

«Светский человек» засмеялся и помахал рукой:

— Пардон за серость. Привет, мушкетеры! Зеленин, привет!

— Вот они, твои иллюзии, — сказал Максимов Зеленину.

— Да-да, — прошептал Зеленин, — что ж...

— Как заиграют вальс, сразу же приглашай. Генька вальсов не танцует принципиально, — зашептал Карпов.

— Не буду, не хочу, — буркнул Саша, сошел с площадки и сел рядом в тени. Посмотрел на звезды и закурил. «„Мимолетное виденье“, — подумал он. — Приехала с Генькой. Конечно, у него машина — это много значит. Владька красавец, Алешка тоже недурен. А я? Рыцарь печального образа. Но там, на матче, она смотрела как-то особенно. Не обольщайся. Ты слишком несуразен. „Очкарик“».

Когда он вернулся, все было так, как он и предполагал. Карпов с девушкой кружился в вальсе, а Максимов стоял у перил и издевался над помрачневшим Бондарем:

— Еще все впереди, мальчик. Выше голову. «Мерседес» урчит у подъезда.

Музыка смолкла. Сквозь толпу к ним пробирались смеющаяся девушка и Карпов. На девушке было светлое платье, узкое в талии, а книзу колоколом. Зеленин впервые видел такое платье.

— Инна, знакомься с моими друзьями.

Вот ведь что за парень! Уже узнал имя, уже на «ты». Даже неприятно. Ведь любит-то он только Веру Веселину.

— Алексей Максимов.

— Александр Зеленин.

— А меня зовут Евгений, — сказал Бондарь.

— Это еще что? Разве вы незнакомы? Разве вы в детстве не строили вместе песочные башни?

— Нет, — сказала Инна, — просто Евгений предложил меня подвезти!

— Великолепно! — захохотал Максимов. — Бондарь на пути к исправлению. Доверие — это все.

— Разве я рисковала? — улыбнулась Инна.

В репродукторе что-то загудело, что-то лопнуло, и потекла изломанная мелодия танго «Кумпарсита».

— Пойдем, что ли? — с жалкой развязностью сказал Бондарь.

Владька многозначительно улыбнулся, Максимов щелкнул каблукми.

— Нет уж, простите, — сказал Зеленин и решительно взял девушку под локоть. Она подняла на него изумленные глаза и пошла вперед, в гущу танцующих. «Что со мной? — подумал Зеленин. — Что со мной происходит?» Синие, темные, как весенние сумерки, глаза смотрели на него вопросительно и ободряюще, смотрели хорошо. Он начал говорить и говорил без умолку, словно боялся, что молчание спугнет девушку. Они кружились, топтались в толпе, смотрели друг на друга, и лишь иногда в поле их зрения попадали громадные ели, уходящие в звездное небо, и лишь иногда сквозь парфюмерные испа-

рения толпы прорывался к ним таинственный ветер залива, и лишь иногда они понимали особое значение этих минут. Они танцевали танец за танцем, а потом спустились с площадки и исчезли.

— Все в порядке у Саши. Каков рыцарь, а? — удовлетворенно сказал Алексей.

Они с Владькой сидели на перилах танцплощадки. Максимов развлекался, представляя себе Зеленина в этот момент.

— Пироговский еще в Комарове? — спросил Владька.

— Да, там еще. Мы к нему ездили несколько раз.

— Ну и как? — взволновался Карпов.

— А что? Играли в пинг-понг.

Жалко Владьку. Ни юг, ни «встреча» с актрисой не помогли ему забыть Веру. И сейчас эти жалкие маневры. Хочет спросить и не решается.

— Да, там была Вера. С мужем, конечно... Нет, не болтал... Ну ее!

— А тебе-то что? — сухо сказал Владька.

Правда, ему-то что? Какое дело Максиму до того, что Вера ушла из Владькиной жизни? Он-то ведь к ней равнодушен. Есть девчонки и красивее и искреннее. Какое ему до всего до этого дело?

— Как ты думаешь, — спросил Владька тоскливо, — неужели она вышла замуж только из-за распределения?

— Не думаю.

— Может быть, ты думаешь, что она любит этого?

— Все может быть. Или увлекла идея научного содружества. Мария Скловская и Пьер Кюри... Верочка способна на такие параллели. А ведь ты в этом смысле бесперспективный.

— Ты так думаешь?! — воскликнул Карпов.

— Это она так думает. Вернее, я думаю, что она так думает.

— Э, тебе бы только...

В первом часу ночи они лежали на даче в темноте и курили, когда воровато закрипела лестница под окном и на фоне глубокого прозрачного неба появился контур Зеленина. Звездный свет блеснул в его очках.

— Те же и Дон-Жуан! — проворчал Максимов.

— Какая девушка! Ах, какая девушка! — сказал Зеленин, не слезая с окна.

— Ложись спать, Паниковский!

— Целовались? — спросил Владька, пытаясь скрыть зависть.

— С ума сошел! В день первой встречи? Мы говорили. О многом, обо всем. Но, увы, она москвичка и учится в МГУ, а я уезжаю в Круглогорье. Увы!

Проводы

Папа и мама Зеленины стояли возле своего сына. Чрезмерно вежливые и несколько чопорные, они были не к месту здесь, на дебаркадере речной пристани, в суматошной толпе.

— Помни, сын... — сказал папа.

— Да-да...

— Сашенька, сразу же сообщи, как устроишь свой быт. Быт — это все-таки очень важно, — с апломбом, маскирующим смятение, сказала мама.

Чуть поодаль стояли друзья. Молчали, грустные.

Инна появилась уже на палубе теплохода.

Зеленин с бессознательным интересом смотрел, как лавирует в толпе стройная девушка в синем свитере. Вдруг в глазах у нее метнулись искорки радости, она разлетелась к Саше и остановилась в замешательстве при виде родителей. Владька и Алексей поспешили ей на выручку.

— Сейчас Саша подойдет, — сказал Владька, — только выслушает последние наставления.

— И получит пузырек с бальзамом, — сказал Максимов.

— И энное количество экую, — подхватила Инна.

Ребята невесело рассмеялись. Инна почувствовала, что они приняли ее в свою компанию. Ей нравились эти ребята, и она отлично понимала их юмор и грусть. Но сейчас они грустят, а она радуется. Для нее проводы — только начало истории с этим смешным Сашей.

— Как видите, ребята, — сказал, подойдя, Зеленин, — я раньше вас всех ухожу в плавание.

— Мы к тебе приедем кататься на лыжах, — сказал Карпов. — Говорят, там прекрасные места для катания на лыжах.

— Ой, верно! — обрадовалась Инна. — Давайте поедем туда на каникулы!

— У нас уже не будет каникул, — сказал Максимов, — а в это время мы будем в штормовых условиях писать диссертации.

— Инна, я позвоню вам в Москву, — сказал Зеленин.

Раздался первый утробный гудок теплохода.

Дебаркадер покачивался, и оставшимся казалось, что они сейчас тоже тронутся в путь в кильватере теплохода.

— Сашенька, питайся рационально! — кричала мама. — Умоляю тебя, питайся рационально!

Она разрыдалась. Папа, смущенный, тронул ее за плечо.

— Помнишь, как сказано: мальчик создан, чтобы плавать, мама — чтобы ждать.

Инна смотрела во все глаза, а ребята пели институтский гимн. Они были уверены, что Зеленин на корме сейчас поет то же самое.

Зеленин на корме пел и думал: «Она все-таки пришла на пристань, хотя и обещала так, вскользь. Прощайте, ребята, прощайте! Какие вы хорошие, ребята! Да, мамочка, я буду питаться рационально. Да, папа, да...»

Теплоход, словно высеченный из глыбы белого мрамора, постоял немного на середине реки, а потом быстро ушел на восток, в сумерки.

За спиной у Инны смущенно кашлянули.

— Простите, — сказал папа Зеленин, — мы бы хотели познакомиться с вами.

В этот вечер предстояли еще одни проводы. С Московского вокзала отбывала группа «якутян». Они стояли возле вагона, Клара, Костя Горькушин, Амбарцумян, Сема Фишер и другие, все в прорезиненных куртках и тяжелых ботинках, члены туристской секции, мало похожие на докторов. Пели институтский гимн. Думали о дороге и о том, что ждет их там, где дорога кончится. Кричали провожающим:

— Эй, мы все в кадре? Я в кадре?

— Смешно, — сказал Максимов, — всех провожаем мы, уезжающие дальше всех.

В Фонтанке расплывались маслянистые световые пятна. Шум с Невского долетал сюда то сплошным нарастающим гулом, то рвался частыми нелепыми синкопами. Карпов сплюнул в Фонтанку.

— Ох, жалко Сашку, — вздохнул он.

— Эх, хрыч! — прикрикнул Максимов. — Перестань его отпевать! Эка невидаль — поехал человек по распределению! Вернется скоро. Наберется ума, чертяка длинный.

— А мы?

— Что мы? Мы тоже по распределению. Только нам повезло, и все.

— Ты уверен, что мы не струсим?

— Давай-ка без загибов, Владька.

— Понимаешь... — Карпов был серьезен. — Как будто все в порядке, и совесть, и логика, но иногда мне кажется, что я прошмыгнул в кино по билету с оторванным контролем. Что-то очень уж у нас ослепительно выходит.

— Посмотри, какие девочки, — сказал Максимов.

— Где? — встрепенулся Владька. — Ого! Вот это да! Блеск! Привет, девочки! Вы куда? И мы туда же. Пошли, Макс.

Фанфары молчали

Первый день работы. Первый день трудовой деятельности. Первый день самостоятельной жизни. Обычный жаркий августовский день. Не гремели фанфары с небес, и даже тучные, усталые деревья не шелохнулись. Начался этот день с аудиенции у начальника.

Максимов, Карпов и Петр Столбов сидят на диване. Черное клеенчатое великолепие кабинета несколько подавляет их. Начальник за столом выглядит иначе, чем на распределении. Он строг, суховат.

— Трудности неизбежны, — говорит он. — Я говорю это вам для того, чтобы вы не настраивались на легкую жизнь, а потом не хныкали и не помышляли об уходе. Нам нужен крепкий кадровый костяк, а не гастролеры.

Начальник вырывает лист из блокнота, что-то пишет.

— Пока я откомандировываю вас в распоряжение санитарно-карантинного отдела. Там у меня опытные специалисты. Они познакомят вас с санитарной техникой судов и с нашими гигиеническими установками. Что? Хотите заниматься хирургией? Никаких совместительств! Это мне не нравится, товарищ Карпов. Как лечебники вы не снизите квалификацию. Вы сможете периодически повышать ее в нашей клинической больнице. Но главное в морской медицине — про-фи-лак-тика. Ясно? Ну вот. Сейчас идите в отдел кадров заполнять выездные дела. Анкеты, пожалуйста, пишите четко — папа, мама и тэдэ. Бабушек сейчас вспоминать не нужно. Жить будете в порту, на карантинной станции. Отправляйтесь, друзья, и за работу.

Анкеты, автобиографии, справки и характеристики, разговоры в бухгалтерии, звонки по телефону, знакомства, рукопожатия, и вот рабочий день кончается. Максимов, Карпов и Петр Столбов идут к порту. Жарко. В середине августа всегда жарко.

Порт

Возле главных ворот боец охраны объяснил им:

— Идите, сынки, все время прямо до холодильника. Свернете налево, в Лесную гавань. Дойдете до Частой Пилы и топайте по ней все время прямо до самого до желтого дома. Это и есть «карантинка». Далеко ли? Да километров пять с гаком будет.

— Весело было нам! — крикнул Петя Столбов. — Ну, пошли.

— Идите, сынки, идите, — хихикнул старый боец. — Протрясаетесь как следует, аппетит будет отменный, правда жрать-то там нечего.

— Не ехидничай, папаша Цербер, — хлопнул по плечу Максимов. — Оревуар!

— Гуд бай, — неожиданно сказал старик.

Максимов и Карпов переглянулись. Заморское слово в устах уса-того сторожа как бы возвестило о том, что в эту минуту они вступают в особенный уголок земли, доступный голосам фантастически далеких стран, что сейчас они пойдут по последним бетонированным выступам суши, пойдут по территории порта, где хлопают флаги разных наций, где всерьез звучат слова из детских книжек: «Трави конец! Самый малый! Вира! Майна! Кар-рамба! Доннерветтер!»

Навстречу идут люди в кителях, спецовках, пиджаках. Нет ли среди них кого-нибудь в ботфортах, с кортиком и с пистолетами за поясом? Нет, обычный рабочий люд идет вдоль серых складских строений. И вдруг над крышей возникает мачты парусного корабля. За складами, оказывается, скрываются причалы. А дальше уже небо повисает на высоких распорках порталных кранов и мачт. Все гуще закипает вокруг портовая жизнь. Здесь нет светофоров — посмотри-вай! В метре от ребят с бешеным жестоким грохотом проходит железнодорожный состав. «Эй, с дороги, так вашу и не так!» Крутятся коротышки-автопогрузчики, бегают мужчины в кителях, неторопливо, но так же сокрушительно, как паровозы, передвигаются фигуры грузчиков. Максимов, Карпов и Столбов оказались в самом центре погрузочных работ. Из-за угла холодильника выдвигается и растет белоснежная громадина.

— Что за пароход? — спрашивает Максимов проходящего грузчика.

— Пароход! — ухмыляется тот. — Це дизель-электроход «Балтика», юноша. Регулярный лайнер: Ленинград—Лондон.

«Балтика» идет мимо них, посвечивая зеркальным стеклом, чуть-чуть дымя конической трубой, гудя непонятным на расстоянии радиоголосом. На палубе стоят заграничные люди в темных очках, помахивают. Прямо из Лондона, из туманного Лондона!

Мыс Частая Пила назван так потому, что он весь, с обеих сторон изрезан геометрически правильными пожарными водоемами. Здесь просторно и свежо, в воздухе бродят волны приятных запахов. То пахнет соснами от штабелей досок, то прелью от песка, покрытого зеленой морской плесенью. Вокруг расстилается темно-голубой морщинистый плац Малого Баржевого бассейна. Визгливо галдят чайки, кружащие над плотами.

На конце мыса стоит желтый трехэтажный дом с башней. Это «карантинка». Периодически здание это используется как гостиница для репатриантов и экипажей судов, встающих на дезобработку,

но большую часть года постоянными его обитателями являются голуби на чердаке, сквозняки и шорохи на всех трех этажах. В четырех комнатах башни находится дежурная карантинная служба. Ночью дом высится, покинутый и одинокий. Огни порта проплывают в его темных окнах, страшновато гремит под взмахами ветра одряхлевшая кровля.

Максимов и Карпов поселились в угловой комнате. Одно громадное окно смотрело на запад, два других на юг. Только узкие простенки прерывали сплошную линию стекла. Не вставая с постели, можно было наблюдать работу кранов на Западной дамбе и Кирпичном молу, движение судов на рейде. Столбов презрительно заявил, что это не комната, а бутылка. Без пробки к тому же.

— Тут же ветер гуляет. Вот посмеюсь, когда услышу стук ваших костей!

— Идем на жертвы, Петечка, ради природной тяги к водному пространству, — сказал Карпов.

— Если ты за сероводород, Столб, то мы за озон, — добавил Максимов.

Столбов чертыхнулся и отправился искать себе теплую комнату. Мало кто в институте понимал этого парня, Петю Столбова. Он был расчетлив, давал деньги взаймы и строго взыскивал долги в назначенный срок, аккуратно записывал все лекции, прилично сдавал экзамены, горделиво отрывивал после еды, оглушительно храпел, временами напивался и грубо приставал к девочкам.

— Зачем тебе, Столб, вторая сигнальная система? — допытывался в такие моменты Максимов. — Тебе бы лапы подлинней, шерсти побольше, и качался бы ты спокойно в джунглях, не испытывая потребности в высшем образовании.

Столбов лениво отругивался.

Максимов пошел в кладовую за чайником. Кладовщица сидела за столом. К уху ее опереточным соблазнителем склонился Карпов. Он небрежно кивнул Максиму.

— Забирай обстановку, Макс.

«Бутылка» приобрела обжитой вид. Два письменных стола, отделанных полированной фанерой, и приемник «Нева» придавали ей комфорт. Роскошное Владкино одеяло и настольная лампа создавали уют. Картина «Мишки в лесу» вносила в быт успокоительное ощущение близких перемен. На стены были брошены текущие лозунги: «Больше Баха, меньше джаза» и «Работай над обменом своих веществ».

По ночам в комнате ходили пятна света. Луна, прожекторы, топовые огни судов, зарницы электросварки, багровый султан заво-

да сплетали свои лучи и создавали таинственное брожение портовой ночи. В окно густым клином входил пахучий портовый воздух. Мерный далекий гул, отрывистые гудки, переплеск волн — это был звуковой фон ночи. Алексей обычно долго лежал на спине и созерцал звезды. Сейчас он чуть иронически относился к своему страху перед этим зрелищем, когда начинала кружиться голова и терялось ощущение своего «я». Это началось еще давно, в детстве. Когда лежишь на крыше или в траве лицом к звездам, внезапно содрogaешься от ощущения, что вот-вот, еще миг, и ты превратишься в пылинку, растворишься в ошеломляющем звездном мире, перестанешь существовать. Уже тогда он нашел уловку — тряхнуть головой и вспомнить о чем-нибудь простом (о задачках по арифметике или о Рыжем с «того двора») — и смутно догадался, что в этом и заключается высокое мужество человека. А сейчас? Сейчас не было страха. Ясно, не все пойдет гладко, но ночью, глядя на звезды, он улыбался, и ему казалось, что койка, тихо покачиваясь, летит в какие-то теплые, жизнетворные глубины.

Утро. Ишачьи вопли «грязнух», паровых шаланд, вывозящих донный ил, добытый землечерпалкой. Грохот и скрежет земснаряда. Вот это марш! Максимов и Карпов вскакивают. Начинается работа над обменом веществ. Пол содрogaется от прыжков. В воздухе вращаются гантели и утюги. Свежие, выбритые друзья поднимаются в служебные помещения. Карпов сразу бросается с биноклем на балкон.

— Кто сегодня на подходе, Тamarочка? — кричит он телефонистке.

— На подходе германский «Хапаранда», польский «Гливице», один англичанин, очень трудное название, и два наших: «Белосток» и буксир «Котельщик» с лихтером «Двина», — будничной скороговоркой отвечает Тамара, не подозревая, какой музыкой отдаются эти слова в ушах ребят. Все здесь нравится Карпову: и панорама, и чайки, прорезающие воздух, и сам воздух, настоящий на водорослях, на угле, на сосне и железе. Владька вырос в рыбацком поселке на берегу моря. Сейчас в нем всколыхнулось забытое ощущение беспричинного счастья. И Максиму тоже здесь нравится. Катер летит прямо в слепящий солнечный блеск, словно стремится расплавиться, лавирует у подножия гигантов, пришедших из дальних морей. И мы будем плавать на них!

Работа. Обследование судов, проверка камбуза и санитарных книжек, акт под копирку — скучная процедура. Но зато потом снова на катер!

К причалу бегут женщины. Бегут молча в одном темпе, как взвод солдат на учении. Бегут встречать теплоход, который не был на родине полгода. Приближается борт теплохода, и женщины стоят на причале, толстые тетки и изящные модницы, разные женщины, связанные одной судьбой, — морячки. А на борту теплохода мужья только молча, странновато улыбаются. Кажется, они не верят, что это реальность, что вон там, в двадцати метрах, стоят женщины, народившие им детей, подарившие им любовь. Это неизбежные минуты смутного анализа нахлынувших чувств, а потом уже начинаются крики, смех, беготня по трапу, поцелуи.

За пять дней теплоход разгрузился, погрузился снова и вечером ушел в Индию. Наблюдая его темную массу, растворяющуюся в сумерках, Максимов представил себе женщин на причале с платочками у горестных глаз, подернутых пеленой похмелья.

— Верное средство от пресыщения, — сказал он Владьке. — Вот как надо жениться, чтобы чувства были натянуты, как струна, чтоб о встрече мечтать полгода, чтоб о жене думать, как о прекрасной любовнице...

— А по-моему, — тихо сказал Карпов, — это единственное, что может отпугнуть от моря. Если бы я... если бы мы с ней... Как ты думаешь, был бы я здесь?

Максимов твердо посмотрел ему в глаза и промолчал. Лишний раз он понял, что образ Веры прочно связан для Владьки с сентиментальным понятием о «настоящей любви». Удивительное дело! Владька — легкий, веселый малый, красавец, атлет. Кажется, несется человек по жизни, хохоча от удовольствия. Собственно, так оно и есть. Может, раньше чахли из-за обманутой любви, а Владька по-прежнему наращивает мускулы, носит яркие галстуки, целует девушек. Мало кто относится к нему серьезно, мало кто знает о двух его страстях. Вера и Хирургия. Владька давно мечтает о Большой Хирургии, о работе в знаменитой на весь мир клинике. Все это кончилось нелепым провалом. Он потерял все сразу.

Максимов тряхнул головой. Ему было неприятно вспоминать подробности, потому что Владька был ему дорог. Ладно, что было, то прошло. Кажется, сейчас хирургия вытесняется морскими путешествиями, а Вера... что ж, время залечит и это. Время все лечит. Понял, Максимов?

Они стояли возле окна в коридоре «карантинки». Немного неприятно было чувствовать за спиной скрипучую пустоту большого дома. Вдруг на лестнице затопали шаги, и в коридоре появился

невысокий человек в синем макинтоше, морской фуражке и с чемоданом.

— Хелло! — сказал он. — Мальчики, где здесь свободная каюта?

— Все судно к вашим услугам, — вежливо ответил Карпов.

Человек подошел поближе.

— Будем знакомы. Капелькин Вениамин. Летучий Голландец.

Явственно запахло водочкой. Вошедший был круглолиц, плотен. Улыбался довольно игриво и очень располагал к себе. Он пошел с ребятами в «бутылку», достал из чемодана французский коньяк «Мартель» и разлил в два имеющихся стакана и в чашку для бритвы.

— Будем сами здоровы, чего желают нам наши мамы, — сказал он.

Элегантный напиток, предназначенный для смакования и прищмокивания, он опрокинул залпом, по-русски, и закусил «мануфактуркой», то есть понюхал рукав своего пальто. Потом он понес. Максимум и Карпов ловили каждое его слово. Капелькин поучал, делился своей житейской мудростью, рассказывал о женщинах, пароходах, спиртных напитках, коврах, отрезах, о Гамбурге, Лондоне, Бомбее, ругал нехорошими словами старпома с парохода, на котором плавал последнее время:

— Это серый человек, мальчики, серый, как штаны пожарника. Он не мог понять высокого парения моей души.

Капелькин понравился Алексею и Владьке. Им было приятно, что по соседству поселился этот «заводной» мальи, оморячившийся врач, списанный с судна за то, что во время участвовавших «воспарений» стал достигать недозволённых высот.

Кончался август, но солнце продолжало безраздельно царить над Финским заливом Балтийского моря. Лишь по ночам ехидный ветерок намекал на то, что по его стопам движутся передовые отряды осени. Максимов писал письмо Зеленину:

«...Иногда я просыпаюсь с чувством, что мимо меня проходит какой-то массивный сгусток энергии. Поднимаюсь на локте и вижу: прямо под нашими окнами скользит в темноте тяжело груженное судно. Два-три огонька горят на нем, бредет по палубе какая-то фигура. Судно поворачивается кормой, кто-то чиркнул спичкой, кто-то бросил окурок в воду. Прощай, земля, до новой встречи! Никогда я не перестану считать тебя лопухом, дорогой Сашок. Почему не общаешься о своих подвигах на сельской ниве? Сеешь ли разумное, доброе, вечное? Сей, милый, засевай квадратно-гнездовым методом! Seriously, черт, пиши. Мы по тебе скучаем».

ГЛАВА III

Вдвоем с Генрихом IV

Райздравский «москвич» выбрался на дорогу, несколько раз моргнул красными огоньками, словно прощаясь, рванулся и сразу исчез за поворотом. В лесу, вероятно, было уже совсем темно: шофер зажег фары. Дымящееся световое облако поплыло по елкам. Вскоре скрылось и оно. Зеленин некоторое время еще смотрел на дорогу. Она белела в густых сумерках и казалась ровной и удобной. Но Зеленин уже испытал на себе ее качества и сейчас с тоской подумал, что зимой эта безобразно разбитая колея станет единственной жилкой, соединяющей Круглогорье с внешним миром, со станцией железной дороги, с районным центром, с Ленинградом. Шоссе что надо — зимой заносы, весной разливы, только летом можно благополучно отбить себе печень.

По озеру в темноте бродила электрическая жизнь: слабые светлячки барж, прожектора буксиров, сигнальные огни тральщиков. Суда торопились уйти на север, к каналу. Темные домишки Круглогорья были для них лишь мимолетной картинкой, промелькнувшим кадром киноленты на пути из Ленинграда в Белое море. Зеленин спустился с крыльца и побрел через больничный двор к флигелю, где находилась его докторская квартира. Квартира была непомерно велика и пустынна. Долгие годы до революции ее занимал земский врач с многочисленными чадами и домочадцами. Как уже узнал Зеленин, врач этот поддерживал связь с революционными организациями Петербурга, а в Гражданскую войну вместе с другими членами сельского совета был расстрелян белыми. Последние два года комнаты пустовали. Перед приездом Зеленина кто-то попытался придать им жилой вид — в столовой на окнах трогательно белели бязевые занавесочки.

Зеленин осмотрел дубовые панели в столовой и попытался представить себе прежних владельцев квартиры. За этим монументальным столом, вероятно, рассаживались на чаепития, читали вслух Короленко, спорили о судьбах России. Приезжали из Петербурга бородастые вдохновенные конспираторы, из сапога в сапог передавались листовки. Потом он вздохнул, открыл свой чемодан и, чувствуя, что совершает кощунство, брякнул на стол похожую на палицу твердокопченую колбасу, батон и нож. Он ел, глядя перед собой в стену, но знал, что за спиной у него есть дверь, которая ведет в такую же обширную комнату, а там тоже дверь и опять комната, такая же пустая, как и две первых. Никогда он не думал, что ему будет неприятно

из-за избытка жилплощади. Что он будет делать здесь один? Надежды на прибавление семейства никакой: Инна в Москве. Ха, придет она сюда, как же! Из Москвы сюда? Из Москвы, где столько интересных ребят, артисты, художники, поэты, где будущим летом будет всемирный фестиваль? Нет, брат Зеленин, ищи-ка ты себе северную красавицу.

Сегодня, когда он вылез из райздравской машины, на крыльцо больницы вышла очень молоденькая девушка с удивительными льняными волосами, медсестра Даша Гурьянова.

«Да ведь это же Любава! — подумал склонный к подобным параллелям Зеленин. — Такие женщины снаряжали челны новгородцев, ткали лен, тянули в голос грустные песни, а в лихую беду волокли на башни камни и кипящую смолу».

Вечером, когда Даша сдала дежурство и сняла халат, он заметил у нее на груди черный клеенчатый цветок из тех, что несколько лет назад были модны в Ленинграде.

«Цивилизация порой принимает кошмарные формы», — подумал он сейчас, но все же улыбнулся, смахнул со стола крошки, встал, прошелся по скрипучим половицам и выглянул в окно. Должно же, черт возьми, хоть что-нибудь виднеться! Он бросился к выключателю и повернул его. Теперь окно выступило из мрака серым четырехугольником. Зато за спиной послышался тихий шорох. Саша вздрогнул и вызывающе заорал:

Жил-был Анри Четвертый...

Ночь в их ленинградской квартире — это всегда приятно: за стеной скрипит пером папа, а на полу дрожат уличные огни. А тут... Почему это темнота так подозрительно сгущается там, в углу? Кто-нибудь вышел из той комнаты? Кто-то совсем не такой, как все... Ха-ха, рыцарь, вы, кажется, начали бояться темноты? Зеленин сжал кулаки и запел еще громче:

Еще любил он женщин,
Имел у них успех,
Победами увенчан,
Он был счастливей всех.
Ля-ля-ля бум-бум, ля-ля-ля бум-бум...

«Бум! Бум!» — перекатывалось под потолком. Когда вспоминаешь о женщинах, сразу становится не так страшно.

Он не зажег огня до тех пор, пока не допел до конца песенку о французском короле. Потом он, громко стуча каблуками, прошел в спальню.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Коллеги	7
Звездный билет	170
Апельсины из Марокко	315
Пора, мой друг, пора	421
Победа. <i>Рассказ с преувеличениями</i>	578
Затоваренная бочкотара	
<i>Повесть с преувеличениями и сновидениями</i>	584
Гибель Помпеи. <i>Рассказ для Беллы</i>	647
Свияжск	667
Три шинели и Нос	699
Сен-Санс	713
СКАЖИ ИЗЮМ. <i>Роман</i>	727